

891
Г 96

ТАРОДНЫЙ

УКРАИНСКИЙ МУДРЕЦ

Григорій Саввичь Сквозорода.

891
Г 96

Библ. 4-96. Права.

89y. 95.

Г. 96

Г. 96

НАРОДНЫЙ

УКРАИНСКИЙ МУДРЕЦЪ

Григорій Саввичъ Скворода.

209:92

Г 96 н

72

Друкарня
ДЕЛІАЦІА-БІБЛІОТЕКА
Львів, № 67/68

Наказе державного посредника

Д. А. Г. О. Р. С. К. В. А.
Львів, № 67/68

16.5.1967.

Типографія державного вида А. Печковский, П. Буликів и К.
Львів, Печковский пер., 40-а, М. 22

1966

83.3 (ЧУЖ) 4

841

Г 96

Доставлено из библиотеки С.-Петербурга, 25 августа 1908 г.

Кого называют мудрецами?

Что такое человек и зачем он живет на земле?

Что такое начало жизни — Бог?

Как следует жить человеку во время его короткой жизни на земле?

Вот вопросы, которые с незапамятных времен волнуют ум человеческий. Нет ни одного человека, который хотя бы нарядка не задумывался над ними.

Живет человек так же, как и все, покушает, продремлет, женится, воспитает, работает, и ему и в голову не приходит спросить себя: зачем я все это делаю? зачем я вообще живу на свете? Но вот приходит какое-нибудь горе, умрет жена, сын, заболит человек, лишится богатства, и обычное течение его жизни нарушено, человек останавливается посреди жизни и с недоумением спрашивает себя: зачем я живу на свете? что я делаю? так ли я живу, как следовало?

Вот заболит человек. Сначала было ничтожное нездоровье, потом болеть все усилается, надежды на выздоровление остаются все меньше и

меньше, и человек сознает, что умирает. При этом сознании всё радости жизни теряется для него свою цену. «Вот я уйду отсюда, думает он. Что там за гробом? какая жизнь? или ничего нет? как может быть, чтобы ничего не было?»

И перед человеком проносится вся его прошлая жизнь, все, что он делал, думал, чувствовал, говорил. И человек начинает разбирать свою прошлую жизнь, что в ней было хорошего, что дурного, какое добро, какое зло делал он людям?

Острое большинство людей часто редко, только перед смертью или под влиянием большого горя, задумываются над этими вопросами.

Но всегда были и теперь есть и такие люди (их очень мало), которые не случайно, не изредка, не перед смертью только думают над этими вопросами, а всю жизнь стремятся познать истину — понять смысл жизни человеческой. Вот этих-то людей и называют мудрецами.

Мудрецы появлялись у всех народов и во все времена. Были мудрецы еврейские, греческие, индийские, римские, французские, немецкие, английские, русские. Одни мудрецы жили давно, несколько тысяч лет тому назад, другие — несколько сот лет назад, третьи умерли еще не так давно, четвертые живут в настоящее время.

Все мудрецы всегда хотѣли своей жизнью служить Богу и людям, познавать истину и любить ближнего. Они, как ярый фонарь по жракѣ, помогали людям находить путь правды и жить по

Божьему закону. Они указывали людямъ ихъ грѣхи и ошибки, и научали, какъ избавиться отъ нихъ.

Но люди не всегда принимали мудрецовъ и одобряли ихъ учениямъ. Мудрецы указывали людямъ ихъ заблужденія и ошибки, а люди, вмѣсто того, чтобы одуматься, пометъ свои заблужденія и оставить ихъ, проныкались злобой на мудрецовъ. за то, что они ублажали имъ жить безпечно, не думая о Богѣ и о любви къ людямъ.

Озлобясь на мудрецовъ, люди — тѣ самые люди, которыхъ мудрецы хотѣли сдѣлать лучше и чище — всячески старались отравлять имъ жизнь, клеветали на нихъ, мучили и часто убивали. Кровью своей платили мудрецы за свою любовь къ истинѣ.

Но ни преслѣдованіи, ни клеветы, ни мученія, ни самая смерть никогда не могла заставить мудрецовъ отречься отъ истины и принять ложь за истину. Кто обратъ къ Богу, тотъ не боится людей.

Однимъ изъ русскихъ мудрецовъ былъ Григорій Савваичъ Сковорода, жившій болѣе ста лѣтъ назадъ.

Жизнь Г. С. Сковороды.

Григорій Саввичъ Сковорода родился въ 1722 году, въ селѣ Чернухахъ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Отецъ и мать его были простые казаки-хлѣбопашцы. Такъ какъ съ дѣтскихъ лѣтъ замѣчалась особенную любовь къ чтенію, то

отец отдалъ его учиться въ Киевскую духовную академію, откуда выходили священники.

Тогда царствовала императрица Елизавета, которая, любя музыку и пѣніе, набирала въ свой придворный хоръ пѣвчихъ со всей Россіи. И Григорій Саввичъ, отличаясь пріятнымъ голосомъ и музыкальными слухомъ, былъ взятъ въ Петербургъ въ число пѣвчихъ придворнаго хора, когда ему было 18 лѣтъ. Пробывъ тамъ около двухъ лѣтъ, Своборода вернулась обратно въ Киевъ и продолжала учиться въ духовной академіи. За шесть лѣтъ своего пребыванія тамъ, Своборода приобрѣлъ болшія познанія въ разныхъ наукахъ.—но не отъ учителей, которые сами знали мало, а путемъ самостоятельнаго чтенія книгъ.

Отецъ желалъ, чтобы сынъ гдѣ-либо снискалъ комъ, но Григорій Саввичъ совершенно не чувствовалъ расположенія къ духовному званію и, не кончивъ курса, вышелъ изъ училища.

Ему хотѣлось побывать за границей, въ чужихъ краяхъ. Скоро представился удобный случай въ этому, которымъ Григорій Саввичъ воспользоваться. Генералъ Вишневскій, посланный за границу, подыскивалъ дѣлкомъ для русской перави въ Венгріи. Григорій Саввичъ просилъ принять его на эту должность. Генералъ согласился, и Своборода удалось вмѣстѣ съ нимъ побывать въ нѣкоторыхъ европейскихъ городахъ. Находясь за границей, Григорій Саввичъ непрестанно старался расширить свои познанія и потому особенно охотно знакомился съ людьми учеными.

Возвратясь изъ-за границы, Скворода, не обладая никакими средствами, которые могли бы доставить ему возможность жить безъ труда, подыскавалъ себѣ какое-нибудь занятіе, промывая носъ у свнзъ прителей.

Когда освободилось мѣсто учителя поэзи (стихотворствъ) въ переславской семинаріи (духовное училище), тамошній епископъ (архіерей) предложилъ Сквородѣ занять это мѣсто. Скворода охотно согласился, но ему пришлось очень недолго занимать эту должность.

Скворода написалъ для свнзъ уминовъ «Руководство о прозвн» — съ которымъ порешилъ принятый тогда способъ писать стихи *) и защищалъ новый способъ, предложенный тогда учеными Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ. Епископу не понравилось это новшество: и онъ приказалъ Сквородѣ учить по-старому. Скворода, будучи увѣренъ въ правильности своего мнѣнія, отказался. Епископъ потребовалъ отъ него письменнаго отвѣта, почему онъ не исполняетъ его призыванія? Скворода представилъ письменное объясненіе, въ которомъ говорилъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ, которые, онъ увѣренъ, согласятся съ его мнѣніемъ, и закончилъ такими словами: «Одно дѣло быть архіереемъ, а другое — писать стихи».

Архіерей очень такой отвѣтъ за дерзость и написалъ на его объясненіи: «Не живише посреди дома моего творяи гердыни», т.-е. дерзкій чело-

*) Слѣдующее стихотвореніе Епископа і. 1790гг.

звѣкъ не можетъ жить въ своемъ домѣ. Это означало, что онъ увольняетъ Сквороду изъ учителей семинаріи.

И Григорій Саввичъ опять остался безъ всякихъ средствъ существованія. Онъ опять посетилъ у пріятеля. Весь запасъ одежды, который онъ любилъ тогда, состоялъ изъ кафтана, двухъ худыхъ рубашекъ, одной пары башмаковъ и одной пары чулокъ. Но въ скоромъ времени онъ нашелъ себѣ другое занятіе.

Недалеко отъ него проживалъ знатный дворянинъ, пожизненный Степанъ Тенира. Ему понадобился учитель для сына; по совету знакомыхъ, онъ пригласилъ Сквороду.

Степанъ Тенира былъ весьма баринъ, съ презрительнымъ смотрѣніемъ на людей незнатныхъ и бѣдныхъ. Скворода жилъ у него цѣлый годъ, и за все это время не удостоился услышать отъ него ни одного слова. По образцу вниманія на это, Григорій Саввичъ старался добросовѣстно исполнять взятую на себя обязанность. Онъ велъ обученіе своего воспитанника разумно и не обременялъ преждевременнѣе память его тавтологическими позаніями, которыми онъ не интересовался. Мальчикъ женолюбилъ своего учителя. Скворода обращался съ нимъ просто и откровенно, какъ съ другомъ.

Одинъ разъ, разговаривая о чемъ-то съ своимъ воспитанникомъ, Скворода спросилъ его, какъ онъ думаетъ о томъ, о чемъ они говорили. Мальчикъ сказалъ. Ответъ его не понравился Сквородѣ, и онъ сказалъ ему, что онъ думаетъ объ отцѣ,

«какъ свинья толсто». Этими словами Григорій Саввичъ не хотѣлъ обидѣть его, а хотѣлъ только нести дѣть понять ему, что мысль его дурна. Но слова эти слышали слуги. Они, желая выслушаться, тотчасъ же донесли барынѣ. Барыня оскорбилась, какъ свѣтъ какой-то ничтожной учительницкѣ, мужикѣ, называть свиньей ее сына? Она стала требовать отъ мужа, чтобы онъ протѣялъ Оксмороду. Старикъ Тамара, хотя и цѣнилъ ужь, знаніе и сердечную доброту Григорія Саввича, но все-таки, уступая женѣ, прогналъ его. Флаутская же, онъ сказалъ: «Прощай, государь мой! нѣтъ жалъ тебя». Это были первая слова, которыя услышалъ отъ него Григорій Саввичъ.

Однако Тамара начала раскисаться въ томъ, что прогналъ Оксмороду. При всемъ своемъ желании онъ нигдѣ не могъ найти другого такого учителя, какъ Сворода. Наконецъ, послѣ всѣхъ тщетныхъ поисковъ, онъ поручилъ знкомому своему уговорить Григорія Саввича снова поѣхать къ нему. Григорій Саввичъ не соглашался; но одна изъ пріятелей Тамары обманомъ привезъ его ночью спящаго въ кибиткѣ Тамары. Тамара на этотъ разъ обошлась съ Григоріемъ Саввичемъ совсѣмъ иначе. Онъ пріятельно встрѣтилъ его, просилъ быть другомъ и руководителемъ его сыну. Видя его сердечное расположеніе къ себѣ, Григорій Саввичъ остался у него.

Поселявшись въ деревнѣ, Григорій Саввичъ въ удивленіи предался размышленію и созерцанію красоты природы. Онъ вставалъ рано утромъ и шелъ

встрѣчать зарю въ дѣлѣ или въ полѣ. Во время этихъ удивительныхъ прогулокъ онъ размышлялъ о важнѣйшихъ вопросахъ жизни человѣческой: о Богѣ, о мирѣ, о человекѣ, объ истинной жизни. Здѣсь онъ выработывалъ въ себѣ тѣ свойства характера, которыми онъ отличался во всю свою дѣйствительную жизнь: воздержаніе, домысливо, добродѣтели, скромность, трудолюбіе, терпѣніе, добродушіе, простоту обхожденій и ризелора, безжораліе и самое главное—поворотъ воли Божіей, то-есть домысливо своихъ положеній, иначе бы оно ни было. «Онъ отдался мораль вѣлы Божіей, пишетъ другъ его М. И. Козлявскій, чтобы Промыслъ Божій располагалъ имъ, какъ орудіемъ своимъ, и въ хачеть и какъ хачеть».

Свои возвышенныя мысли о Богѣ и о человекѣ Григорій Саввичъ выразилъ въ стихахъ. Прочтя одно изъ его стихотвореній, старикъ Тамара сказалъ ему: «Другъ мой! Богъ благословилъ тебя дряжъ духъ и омы!»

Около этого времени Григорій Саввичъ окончательно утвердился въ той вѣрѣ, которая осталась у него на всю жизнь. Одно изъ его стихотвореній, написаннаго въ 1757 году, содержитъ такая мысли: «Важень тотъ, кто съ коллѣбелн посвятъ себя Христу, калъ его блатое и бремя латкѣе и призывъ къ нему. Санта такая жизнь. Ни нищета, ни несчетія не будутъ тяжелы ему; ни огонь, ни мечь не разлучатъ его со Христомъ. Христосъ, жизнь моя, уисршій за меня! И должнъ былъ освѣтитъ Тебѣ всю жизнь мою — а

посвящая Тебѣ остатокъ дней моихъ. (Въ это время Григорію Саввичу было 35 лѣтъ). Уничтожь черствость моего сердца, зажги въ немъ Твоею огонь, чтобы во мнѣ умерли страсти и злая желанія и чтобы я жилъ для Тебя, свѣтъ мой!»

Налъ въ другомъ стихотвореніи онъ говоритъ: «Всѣ люди заботятся только о плотскомъ благѣ. Купцы обманываютъ покупателей, чтобы получить побольше денегъ; помѣшкки покупаютъ новые экипажи и разводятъ лошадей изъ различныхъ породъ; чиновники льстятъ своимъ начальникамъ, чтобы получить повышеніе; адвокаты истолковываютъ законы по своимъ выгодамъ; статисторцы изъ-за награды пишутъ лъстными стихотвореніи вельможамъ; у студентовъ болитъ голова отъ усладенныхъ уиственнахъ конитій. Одни работаютъ тѣмъ, чтобы пострить себѣ домъ по новому способу; другой занятъ охотой, третій каждый день сыплетъ къ себѣ гостей, четвертый страдаетъ отъ любви. А у меня одна только дума, одно только не выходить у меня изъ головы: какъ бы мнѣ разумно прожить жизнь и разумно умереть. Страшная смерть съ занесенной воею! ты не щадишь никого, — ни царя, ни мужика, ты всехъ уничтожишь, какъ огонь солому. Всѣ боятся тебя, кромѣ тѣхъ, чья совесть чиста, какъ хрусталь».

«Балъ нельзя гореть» нека засыпать бездонный океанъ, языкъ нельзя широко разлившемуся пламени потушить одной каплей воды, какъ нельзя орму лететь въ зеленевомъ ищней, тѣмъ не можетъ духъ человеческій удовлетвориться матеріальными благами. Духъ

человѣскій — это бедна, безпредѣльная, злая пово-
наи жере. Нератуные люди! долго ли еще вы
будете упорствовать въ своемъ заблужденіи? По-
чему вы не думаете о томъ, кого называють
Богомъ? Почему вы не стараетесь послышать Его?
Въ исваніи Бога челоѣкъ найдетъ полное удовле-
твореніе стремленіямъ своего духа.

Означивъ обученіе молодого Тамары, Григорій
Саввичъ уѣзжалъ отъ него, и ескорѣ получилъ пригла-
шеніе отъ бѣгородскаго епископа занять мѣсто учи-
тели поэзіи (стихотворства) въ харьковской семинаріи.

Григорій Саввичъ, и въ городѣ сѣловалъ тѣмъ же
прямыхимъ жезни, какіи онъ проработалъ себя въ
деревнѣ. Онъ спалъ не больше чатырехъ часовъ
въ сутки, вставалъ до зари и, когда была хоро-
шая погода, всегда ходилъ гулять пѣшкомъ за го-
родъ; мяса и рыбы онъ не ѣлъ вовсе, а ѣлъ толь-
ко овощи, плоды и колочкые продукты, при чемъ
употреблялъ пищу только одинъ разъ въ день, ве-
черомъ, послѣ заката солнца. «Онъ всегда былъ
веселъ, шестъ дуть его, добръ, подвиженъ, всѣмъ
довѣренъ, во всѣмъ ласковъ, строженъ, всѣмъ го-
товъ услужить, изъ всего выводилъ для себя по-
ученіе, уважалъ и любилъ добрыхъ людей во все-
комъ сословіи, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ пе-
чальныхъ, дѣлалъ послѣднихъ съ немущими».

Архіерей цѣнилъ умъ и знанія Саввича и,
чтобы оставить его при семинаріи, поручилъ шу-
мену Герасію, другу Григорія Саввича, уговаривать
его принять монашество, обѣщая ему въ скоромъ
времени высшій санъ. Герасій, исполнивъ желаніе

архіерей, началъ совѣтовать Григорію Саввичу по-
стречься въ монахи; выставляя ему на видъ, что
въ монахахъ онъ будетъ обезпеченъ въ матеріаль-
номъ отношеніи, будетъ пользоваться почетомъ отъ
окружающихъ, приобрететь завѣстасть и со вре-
менемъ можетъ сдѣлаться архіереемъ.

Счастливей такой жизни, по мнѣнію Агумена,
ничего не можетъ быть. Но Сковорода думалъ ина-
че. «Зачѣмъ я пойду въ монахи?» отвѣчалъ онъ Агу-
мену. Увеличивать число лоцехъроекъ? Нѣтъ! вы,
если хотите, ѣшьте жарко, пейте сладко, одѣвай-
тесь мягко и монашествоуйте, а я вижу истинное
монашество не въ расѣ, а въ жизни безкорыстной,
достоинствъ воздержности, въ отказѣ отъ
всѣхъ прихотей, въ отреченіи отъ любви къ себѣ,
чтобы исполнять заповѣдь любви къ ближнему, къ
невнии славы Божьей, а не человѣческой». Какъ
ни уговаривалъ его Герасій, Сковорода остался
твердымъ въ своемъ рѣшеніи.

Такъ какъ Герасій былъ сильно недоволенъ
отказомъ Сковороды и сдѣлался холоденъ съ нимъ,
Григорій Саввичъ очелъ за лучшее оставить харь-
ковскую семинарію: онъ отправился къ своему
пріятелю въ деревню Старицу, недалеко отъ Бѣл-
города. Здѣсь опять онъ жилъ въ полномъ уеди-
неніи. Мѣсто это богато лѣсами, юдами и доли-
нами, куда и уединился Григорій Саввичъ для раз-
мышленія.

Нигдѣ такъ человѣкъ не углубляется въ себя, какъ
въ уединеніи. Древній мудрецъ Аристотель счи-
талъ: уединенный долженъ быть или царь или

звѣрь. То-есть, человѣкъ, который живетъ въ уединеніи, или становится мудрецомъ, глубоко познающимъ міръ и людей, царемъ духа, или ослабѣваетъ умомъ и грубѣетъ чувствомъ, лишаясь подтверждающаго его духовную жизнь общенія съ людьми. Первое бываетъ съ людьми, сильными духомъ, разумъ которыхъ неустанно работаетъ надъ отысканіемъ истины; второе случается съ людьми слабыми духомъ, разумъ которыхъ самъ по себѣ работаетъ мало и нуждается въ постоянныхъ толчкахъ жизни, отъ другихъ людей.

Григорій Саввичъ Свєзороду правдывалъ къ числу людей перваго рода. Въ уединеніи, среди величественной и могучей природы, онъ крѣпилъ духомъ и познавалъ истину, увеличивалъ то душевное богатство, которое даровалъ ему Богъ.

Между тѣмъ бѣлгородскій архіерей жалѣлъ о томъ, что Григорій Саввичъ оставилъ семинарію, и угонялъ его опять взяться за учительство. Григорій Саввичъ согласился главнымъ образомъ потому, что въ числѣ учениковъ семинаріи былъ вѣкъ Михаилъ Ковалевскій, дѣда котораго просилъ Свєзороду быть руководителемъ этого вѣнка. Михаилъ Ивановичъ Ковалевскій сдѣлался впоследствии другомъ Григорія Саввича, и дружба ихъ продолжалась до гробовой доски. Григорій Саввичъ часто навѣщалъ Ковалевскаго и, видя въ немъ доброе сердце и хорошія способности, старался помогать его духовному развитію: читалъ съ нимъ книги и велъ разговоры о важныхъ вопросахъ жизни.

Самъ Ковалинскій очень трогательно описывалъ, какъ сначала онъ болелъ гнрить словами Григорія Саввича, потому что то, что онъ говорилъ ему, шло въ разрѣзъ со всеми установленными тогда среди ученыхъ людей кощдами. Видя добрую жизнь Саворова, исповнявшаго на дѣлѣ то, что онъ совѣтовалъ другимъ, Ковалинскій смѣлѣлъ, что человекъ такой привычной жизни расходился въ жизни съ людьми учеными и себя уважаемыми и, следовательно, — по тогдашнему мнѣнью Ковалинскаго — заблудился.

Всѣ ученые настаивали на томъ, какъ Ковалинскій, да и не они одни, а всѣ осуждающе, — словомъ и дѣломъ внушали мнѣ, что счастье состоитъ въ томъ, чтобы имѣть много денегъ, имѣть вѣсть, сладко пить, жить безъ труда и вольности. Саворова — одинъ протить всѣхъ — говорилъ мнѣ, что все это не нужно для истиннаго счастья; что для того, чтобы быть истинно счастливымъ, нужно ограничить свои потребности, имѣть всего меньше, отказаться отъ всѣхъ прихотей, быть трудолюбивымъ и добросовѣтно исполнять то дѣло, за которое взялся. И Саворова не только говорилъ это, но и исполнялъ на дѣлѣ.

Ученые настаивали на томъ, что древнѣе мудрецы — Маркъ Аврелій, Сократъ, Платонъ и другіе, — хотя и вели нравственную жизнь, однако не знали истины, потому что были язычники, а не христіане. Саворова, напротивъ, утверждалъ, что въ нихъ дѣйствовалъ Духъ Божій, несмотря на то, что они были язычники, а потому слѣду-

еть не осуждать ихъ, а любить и поощрять иль въ стремленіи къ истинѣ. Если Богъ одинъ для всѣхъ людей, то они были вѣрными слугами Его.

Ваставники внушали молодому поколѣнію, что одна половина людей въ обществѣ особенно благославляется Богомъ, другіе же, а третьи кажутся подъ проклятіемъ Бога. Выше всѣхъ, учили ученые наставники, положеніе духовныхъ лицъ, служащихъ Богу; затѣмъ положеніе царей, министровъ, военачальниковъ, воиновъ людей, имѣющихъ власть, затѣмъ положеніе купцовъ и торговцевъ и, наконецъ, ниже всѣхъ положеніе крестьянъ-холоповъ (крестьяне въ то время были прикрѣплены къ помещикамъ и находились подъ ихъ неограниченной властью). Положеніе крестьянъ, учили иже, проклято Богомъ; они должны безъ отдыха работать и во всемъ безпреступно повиноваться господямъ. Словорода, напротивъ, училъ, что вселенскій трудъ, необходимый для людей, одинаково благославляется Богомъ, и всѣ люди равны.

Ваставники-женщины учили своихъ воспитанниковъ, что вся святость и совершенство жизни христіанина состоитъ въ исполненіи таинствъ и обрядовъ. Словорода внушалъ молодому поколѣнію, что святость жизни состоитъ въ дѣланіи истиннаго добра людямъ.

Богалинский, воспитанный съ самаго ранняго дѣтства въ ложныхъ взглядахъ, слушалъ Словорода и находился въ неуверительномъ состояніи раздвоенности сознанія. И разумъ и сердце говорили

ему, что Сковорода правъ, но онъ никакъ не могъ отбросить старыхъ мѣнѣй, въ которыхъ были воспитанъ. Прочіе учителя старались внушить ему недоверіе къ Сковородѣ, запрещали слушать его и даже видѣться съ нимъ⁷⁾. И подъ вліаніемъ этихъ ложныхъ воссннаній, молодой человѣкъ хотя и полюбилъ душевно Григорія Саввича, но не добралъ ему и боялся признать его взгляды истинными. Но мало-по-малу внутреннее пристрастие слазелось передъ неоспоримыми доводами разума, и Ковалышкінъ понялъ, что Сковорода искренно и безкорыстно стремится къ истинѣ, а потому и взгляды его заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ взгляды многихъ другихъ людей. И слушая Сковороду съ большимъ чѣмъ прежде, вниманіемъ, Ковалышкінъ все чаще и чаще замечалъ его взгляды, и незаметно для самого себя отбрасывалъ прежнихъ преподавателей и преданнымъ ученикомъ его.

Сковорода вѣрилъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть Духъ Божій. Этотъ Духъ Божій люди называютъ разумомъ и совѣстью. Онъ-то и долженъ быть руководителемъ каждому человеку во всехъ поступкахъ его. Человѣкъ долженъ слушаться внутреннего голоса разума и совѣсти, говорящаго въ душѣ его, и тогда все его поступки и сама жизнь будутъ правдыми. Самъ Сковорода такъ и поступалъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на что-либо, онъ

⁷⁾ Свѣтъ Григорій Саввичъ очень часто и подробно говорилъ о воспитаніи, которое онъ получилъ въ школахъ, и о томъ, какъ учителя старались внушить ему недоверіе къ Сковородѣ, запрещали слушать его и даже видѣться съ нимъ.

06977
1879

всегда вслушивался въ то, что скажетъ ему внутренній голосъ. Этотъ голосъ онъ считалъ голосомъ воли Божьей. Онъ вѣрилъ, что, поступая такъ, какъ велитъ внутренній голосъ, люди поступаютъ правильно и бываютъ счастливы; поступая же противъ разума и совѣсти, люди поступаютъ неправильно и не чувствуютъ себя счастливыми.

Скворода, стараясь самъ всегда поступить такъ, какъ велитъ внутренній голосъ—Духъ Божій, старался и въ молодости другъ своимъ развить такое же внимательное отношеніе къ требованіямъ воли Божьей. Онъ говорилъ ему: «Познай въ себѣ силу разумную, образъ Отца небеснаго; пусть эта сила будетъ единственнымъ твоимъ закономъ; во всемъ слушайся ея голоса».

Свякъ Григорій Савичъ, какъ сказано, всегда вслушивался въ то, что говорилъ ему внутренній голосъ. Сообразно его требованіямъ, онъ брался за работу, распределялъ свои занятія и размеченія, перебивая мѣста вѣстельства, дѣлалъ знакомства, сблизался съ людьми. Онъ старался во всемъ быть послушнымъ орудіемъ воли Бога, говорящей черезъ Духъ Его.

Григорій Савичъ старался избежать въ своемъ ученіи всѣ безсмысленные предрассудки, съ дѣтства внушенные ему. Замѣтивъ, что онъ, какъ и многіе другіе, боится мертвыхъ, Григорій Савичъ ходилъ съ ними вечерами гулять за городъ, проводилъ съ ними нѣбѣтъ на кладбище и, ходя среди могилъ, разгонялъ въ томъ неосновательномъ страхѣ, который во многихъ возбуждаютъ мертвецы.

Въ скоромъ времени Ковалинскій полюбилъ Сквороду — отъ всей души и благодарилъ Бога за то, что Онъ послалъ ему такого мудраго друга и наставника.

Въ 1764 году они вместе поѣхали въ Киевъ. Въ Киевско-Печерской лаврѣ онъ встрѣтился со многими знакомыми и товарищами по духовной академіи. Многие изъ нихъ стали говорить ему: «Будеть тебѣ скитаться по свѣту! Пора тебѣ пристать къ берегу. Вагъ извѣстамъ твоимъ тавзанта; поступай въ монахи, святая лавра приметъ тебя, какъ свое чадо, ты будешь стоить перени и укрепеніе обители». — «Ахъ, преподобные! — возразилъ съ жаромъ Григорій Савицъ, — а столпотворенія особю не хочу усматривать, довольно и весь, столбовъ истосанныхъ, во храмѣ Божьемъ... Я вижу святость не въ ризѣ, а въ волѣ Божьей».

Черезъ два мѣсяца Григорій Савицъ вернулся назадъ, въ Харьковъ.

Въ Харьковѣ былъ тогда губернаторомъ Е. А. Щербининъ, человекъ, по словамъ И. И. Ковалинскаго, одаренный природнымъ здравымъ разумомъ, любившій науки и искусства, и особенно музыку, и самъ хорошій музыкантъ. Онъ много слышалъ о Григоріи Савицѣ и желалъ познакомиться съ нимъ. Г. П. Дажлевскій приводитъ любопытный рассказъ, слышанный имъ отъ одного изъ старинныхъ жителей Харькова, о первой встрѣчѣ Сквороды съ губернаторомъ.

Губернаторъ ѣхалъ по улицѣ, въ пыльномъ экипажѣ съ гайдуками. Увидѣвъ Сквороду, си-

двинуго на лавочкѣ у гостинята двора, онъ остано-
вился и приказалъ своему адъютанту позвать его
къ себѣ. Адъютантъ подошелъ къ Свояроду и
передалъ приказаніе губернатора: «Васъ требуетъ
къ себѣ его превосходительство!» — «Какое прево-
сходительство?» — спросилъ съ недоумѣніемъ Григорій
Саввичъ. — «Господинъ губернаторъ!» — «Скажите
ему, что мы не знакомы!» — совершенно спокойно
отвѣтилъ Свояродъ. Адъютантъ смѣдился и въ
смущеніи удалился. Робая, онъ передалъ отвѣтъ
Свояроды губернатору. Губернаторъ послалъ его во
второй разъ, но велѣлъ сказать уже къ другому
тѣмъ: «Васъ проситъ къ себѣ Евдокимъ Алексѣ-
евичъ Щербининъ!» — «А! объ этомъ слыжаль; го-
ворить, — добрый человекъ и харошій музыкантъ!»
— воскликнулъ Григорій Саввичъ и тотчасъ же по-
дошелъ къ губернатору.

Въ обществѣ людей чиновныхъ и знатныхъ Гри-
горій Саввичъ чувствовалъ себя велико. Онъ боль-
ше любилъ бывать среди людей простыхъ, гдѣ
можно было откровеннѣе и чувствовать себя сво-
бодно. Онъ любилъ простоту въ обхожденіи и не
выносилъ льстливой, лицемерной вѣжливости, уста-
новившейся въ наше общество. Если ему при-
ходилось бывать въ большихъ собраніяхъ, онъ ста-
рался быть незамѣченнымъ и занималъ послѣднее
мѣсто. Вспомнѣ свободно онъ чувствовалъ себя только
съ простымъ народомъ, изъ котораго вышелъ самъ
и которой сердечно любилъ. Любимымъ его раз-
влеченіемъ была музыка; онъ самъ игралъ на скрип-
кѣ, флейтѣ, гитарѣ и гусляхъ.

Въ 1766 году въ харьковскій семинарии было приказано преподавать юношамъ правила нравственности. Начальство предложило Сковороду заняться этимъ. Григорій Саввичъ охотко согласился, отказавшись отъ жалованья за эти уроки, и написалъ сочиненіе о нравственности, которое и прочтала учебникамъ. Начальство серьезныя юности весьма внимательно слушала Сковороду, стараясь понять и продумать все, что онъ говорилъ. Но начальство отвесило ничто.

Въ своемъ чтеніи Григорій Саввичъ старался дать юношамъ правильное понятіе о Богѣ и Его требованіяхъ отъ человека. Главная его мысль была та, что человекъ долженъ всѣми силами души стараться исполнить въ своей жизни требованія воли Божьей.

Въгородскій архіерей, прочитавъ книгу Сковороды, нашелъ, что нѣкоторыя мысли Сковороды не сходятся съ ученіемъ православной церкви, и велѣлъ другимъ учителямъ написать критику (разборъ) сочиненія Сковороды. Учителя, разбравшіе книгу, представляли къ числу двенадцати заведывавшихъ и недобрахвалителей Григорія Саввича, представили архіерею сочиненіе его въ самомъ дурномъ свѣтѣ, обративъ мысли его и приписавъ ему такія мнѣнія, какихъ онъ не только не высказывалъ, но и не могъ высказывать. Архіерей постановилъ: удалить Сковороду изъ учителей семинарии.

Выгнанный изъ учителей, Григорій Саввичъ перѣехалъ къ своимъ друзьямъ, помещикамъ Зембарскимъ, нѣдальніе которыхъ находилось недалеко отъ Харькова. Здѣсь Григорій Саввичъ проживалъ

главным образом на пчельники, находившиеся в этой средней густой, угрожающей дѣсу. Здѣсь, въ совершенномъ уединеніи, Григорій Савенчъ написалъ первыя два большія сочиненія.

Года черезъ два послѣ этого Своярода переселился отъ Зембарскихъ къ другимъ арестантамъ, потому былъ изъ Кенѣ, а съ 1775 года онъ уже нигдѣ не имѣлъ постоянного мѣста жительства, странствовалъ пѣшкомъ по всей Украинѣ^{*)}, оставалась на короткое время у тѣхъ людей, которые привлекали его къ себѣ своей жизнью и добрыми душевными свойствами. Онъ становился проповѣдникомъ, въ истинномъ и глубокомъ значеніи этого слова. Другъ его рассказываетъ, что иногда онъ поселялся у людей верочныхъ, съ той цѣлью, чтобы мало-по-малу незаметно получить ихъ воззвать самихъ себя, любить истину и удалиться отъ зла.

Уваженіе къ Григорію Савенчу доходило до того, что считали особеннымъ благословеніемъ, если онъ являлся къ кому-нибудь, хоть на нѣсколько дней. Зная его нужду, многие давали ему деньги, пища про зѣвасъ, одежды; но онъ отъ всего отказывался, говоря: «дайте венчующему!» И сколько бы его ни просили, онъ не соглашался брать то, что считалъ для себя лишнимъ. Все его искусство состояло въ сѣрой ситкѣ, чоботкахъ (башмакахъ) про зѣвасъ и въ рубашкахъ его сочиненій, которыя онъ носилъ съ собой и читалъ тѣмъ, кого хотѣлъ просвѣтить.

^{*)} Укринѣ въ то время называлась губернія Харьковская, Курская и Переяславская.

Задумавъ переселиться съ одного мѣста на другое, она складывала въ мешочки все это добро, перебивала его черезъ плечо и отирамывала въ путь, съ двумя неизмѣнными спутниками: палкой и флейтой, на которой играла во время пути.

Вездѣ, гдѣ она поселялась, она выбирала уединенный уголокъ и все дѣлала для себя сама, не пользуясь ничьими трудами. Проповѣдывала она всюду, гдѣ случалось: на деревенскихъ улицахъ, на ярмаркахъ, на церковныхъ погостахъ, въ избахъ *).

Она особенно любила простой, деревенскій народъ, и они любили его: сердцемъ чѣмъ Богъ посылалъ, чинили его святку и чобыты.

Передъ сномъ, въ постель, она имѣла обыкновеніе совершать молитву. Въ уединеніи, среди величественной тишины ночи, она старалась сосредоточить всѣ свои мысли на Богѣ и самокъ себѣ, думать о томъ, что она дѣлала и говорила въ теченіе дня, старалась утвердить въ своемъ сознаніи свою зависимость только отъ воли Божьей, а не отъ воли человѣческой, подняться духомъ и очиститься отъ зла, приблизиться къ Богу и сдѣлаться подобнымъ Ему. «Самая достойная молитва Богу есть искренне истинно чистымъ сердцемъ, говорить М. Н. Ковалевскій. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть правденъ, безъ дѣла, безъ подвиговъ, безъ пользы человечеству?» Такъ она жила и иногда до самаго расцвѣта и

*) Въ помѣткахъ, о проповѣдательской дѣятельности Самаряны на литературѣ о ней много сказано обстоятельно разсказано.

не дожась сна, при блескѣ утренней зари, шель въ поле встрѣтить восходъ солнца.

Слани Сазнороды шла такъ далеко, что о немъ, по словамъ Ф. Н. Глинки, знала и царствовавшая тогда Екатерина Вторая. Желая же любопытство рассмотреть на него, она черезъ своего приближеннаго, Петенкина, послала ему приглашеніе— переселиться изъ Украины въ Петербургъ. Когда Петенкинъ былъ въ Малороссіи, онъ, исполнивъ порученіе, послалъ къ Сазнородѣ своего эконома передать ему приглашеніе императрицы. Посланный засталъ Григорія Саввича на краю корота итраниши на флейтѣ; недалеко отъ него посланъ одинъ того мушнина, у котораго остановился на это время Григорій Саввичъ. Посланный передалъ ему то, что было приказано; Григорій Саввичъ, просто и спокойно глядя ему въ лицо, отвѣчалъ: «Скажите царицѣ, что и не возину родины.

Матъ моя гартель *) и еще
Дороже царскаго вѣнца».

При небѣхъ своихъ выдвигавши деревенскія, большіе звянухъ и высоко-правственнаго жизни, Григорій Саввичъ отличался необыкновенною скромностью, и не на словахъ только, а въ глубинѣ сердца. Когда при немъ начинали его хвалить, онъ конфузился, не зная, что дѣлать, и старался удалиться. Разъ онъ былъ вечеромъ у своего пріятеля, старика Пешуновскаго. Было еще нѣсколько ста-

*) Дряк.

решень, съ которыми Григорій Саввичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Григорій Саввичъ говорилъ о своей новизнѣ сужденій, въ которыхъ онъ старался изловить самую сущность своихъ взглядовъ. Вдругъ дверь съ шумомъ растворяется, и въ комнату вбѣгаетъ молодой франтъ, изъ знакомыхъ Пискуновскаго, недавно пріѣхавшій изъ Петербурга. Онъ подбѣгаетъ въ Саввороду и грозно и торжественно провозглашаетъ: «Итакъ, и наконецъ достигъ того счастья, котораго такъ долго и напрасно желалъ. Я жму, наконецъ, великаго соотечественника моего Григорія Саввича Саввороду! Позвольте»... Григорій Саввичъ, не дослушавъ его, смущенно поднимается, его костлявыя руки складываются на груди, обдыя френчъ виссаютъ надъ черными висальми глазами, и онъ смущенно борщется: «Позвольте! тоже позвольте!» И однимъ длиннымъ прыжкомъ онъ очутился у дверей и исчезъ изъ комнаты.

Кроткій, мягкій и спокойный въ своемъ обращеніи съ людьми, Григорій Саввичъ, однако, бывалъ иногда вспыльчивъ и горячъ, когда зачиналъ какую-нибудь дорогую для него вещь. Люди, не понимавшіе того благороднаго источника, изъ котораго проистекло это раздраженіе, сердились на него, были нѣтъ довольны. Самъ онъ тоже, конечно, понималъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не должно каргнать миръ между людьми. Такъ, однажды, онъ писалъ тому же человеку, съ кѣмъ у него вышла размолвка: «Возможный во Христѣ братъ Іаковъ! Да будетъ съ

тобою тотъ миръ, который выше разума. Прости меня, если я тебя въ чемъ оскорбилъ, когда гостилъ у насъ. Ты знаешь, что я немалычливъ, но знаешь лигьсть съ тѣмъ, что я отъ природы кротокъ и человѣченъ, а кротость—приваное достоинство чловека. Если и случайно когда разгорачусь или надѣюсь, то дѣлаю это не по злобѣ, но потому, что считаю грѣхонъ согласиться съ ложью или бороться противъ истины. Но какъ дѣяние не всегда бываетъ приятно, такъ и истина часто бываетъ тягостна. И нельо не можетъ постоянно соединить приятное съ полезнымъ. Но забудены наши взаимныя обиды и помиримся».

О томъ, какъ сильно люди, хорошо знавшие Григорія Саванча, любили и уважали его, цѣнили его совѣты и указания, лучше всего говоритъ письмо къ нему его ближняго ученика, Василия Тамары, отъ 6 марта 1788 года, т. е. черезъ 30 лѣтъ послѣ того, какъ Словорода пересталъ быть его учителемъ: «Любезный мой учитель, Григорій Савичъ! Письмо ваше получилъ я съ развою любви и сердца признательностью моею къ вамъ. Вспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василия, по наружности, можетъ-быть, и не несчастнаго, но внутренно болѣе нуждающаго нужду къ свѣту, нежели когда былъ съ тобою. О, если бы внушилъ тебѣ Господь возгнть со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, ты бы не порочился своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебѣ писалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, каемъ образомъ могъ бы я тебѣ увидѣть,

страство любимый мой Сковорода? Прощай и не покажи еще однаь разъ въ жизни удѣлить частіцу твоего времени и покоя старому ученику твоему—Василію Тамарѣ.

Такия сердечныя письма пишутъ только къ тѣмъ людямъ, которыхъ горячо любить. И Сковорода звалъ счастьею любовь: самъ любить людей и быть любимъ ими.

Къ великому сожалѣнію, свидѣнія о жизни Сковороды, о его дѣятельности, друзьяхъ, ученикахъ, крайне скудны. Особенно мало мы знаемъ о немъ за послѣдніе 20 лѣтъ его жизни. За это время И. И. Ковалинскій, единственный заслуживающій безусловнаго довѣрія жизнеписатель Сковороды, вовсе не видѣлся съ нимъ. Въ то время, какъ Сковорода странствовалъ по Украйнѣ изъ села въ село, другъ его жилъ въ Петербургѣ и вращался въ высшемъ кругу общества. Онъ рассказываетъ, что жилъ въ великодушнѣйшей суетѣ отъзвѣда его отъ той жизни духа, которой училъ Сковорода. Онъ женился, нашелъ много друзей, благодѣтелей, знакомыхъ. Ему казалось, что жизнь его будетъ счастлива. Но въ это-то время ему пришлось на примѣрѣ своей собственной жизни убѣдиться въ справедливости того, что думалъ и говорилъ Сковорода о нѣбшней, нирской, богатой и знатной жизни: что она не достъ счастья. И увидѣлъ, говоритъ онъ, въ счастья—превращеніе, въ друзьяхъ—измѣну, въ знакомыхъ—охлажденіе. Таковы были послѣдствія жизни, въ которую пошелъ и, оставивъ низъ духовную. Измученный волненіями

свѣта, я обратился въ самоту себѣ и прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь найти тамъ успокоеніе. Въ глубокомъ уединеніи остался и одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ болѣзни; въ печали, въ безпомощности, безъ всякаго участія, свѣта, помощи. Богъ послалъ мнѣ духъ мудраго, сердце друга: Сковорода, семидесятилѣтній старикъ, послѣ 19-лѣтней разлуки, большой и слабый, посмотрѣвъ на дальность пути, на чрезвычайно ненастную погоду, пріѣхалъ ко мнѣ въ деревню».

Это было изъ послѣднее свиданіе. Григорій Саввичъ оказалъ на Козляковскому самое благотворное вліяніе. «Его бодрость духа, веселость нрава, мудрая бесѣда, свобода отъ всякаго работнаго передъ людьми, пробудила во мнѣ уснувшія силы разума, осветила мой чувства и желанія, направилъ волю мою къ долгу Воинственнаго».

Сковорода привезъ Козляковскому свои сочиненія и всѣмъ дель читалъ ихъ съ нимъ и бесѣдовалъ о важнѣйшихъ вопросахъ жизни человѣческой: о Богѣ, о смерти, о любви къ людямъ, о Евангеліи. Ожидая, по своимъ годамъ, скорой смерти, Григорій Саввичъ, видя въ смерти волю Божью и переходя къ новой жизни, спокойно готовился къ ней.

Здоровье его становилось все слабѣе и слабѣе. Кашель и общая слабость все усиливались. Прозива у Козляковскаго около трехъ недѣль, онъ сталъ собираться на родину. — «Тамъ хочу умереть», говорилъ онъ. Козляковскій удерживалъ Григорія Саввича остаться у него до конца дней. Но Гря-

горой Саванчъ отрицалъ, что внутренній голосъ велитъ ему бѣжать. Ковалинскій, зная, насколько важно слушаться всегда велѣній духа, не сталъ больше настаивать.

26 августа 1794 года Григорій Саванчъ уѣхалъ отъ Ковалинскаго. Прощаясь, онъ сказалъ ему: «Можетъ-быть, я больше уже не увижу тебя. Прощай! Помни всегда, во всякъ случаѣхъ жизни, то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой признаетъ тебя способнѣйшимъ принять истину и любить ее».

Слабость Сквороды еще усилалась отъ продолжительнаго пути и ненастной погоды. Въ послѣднiе два мѣсяца жизни Григорій Саванчъ, чувствуя упадокъ силъ (хотя почти все время былъ на ногахъ), часто говорилъ себѣ: «Духъ бодръ, но тѣло немощно».

Передъ смертью онъ захотѣлъ похоронить трупъ свой на высокомъ мѣстѣ на берегу пруда, близъ рѣки; гдѣ онъ по утрамъ игралъ на флейтѣ, и написать такую надпись:

«Миръ говилъ жена, но не поймалъ».

Скончался онъ 29 октября 1794 года.

Сохранился слѣдующій разговоръ о смерти Сквороды. Въ день его смерти къ помѣщику, у котораго онъ жилъ, собралось много гостей. За обѣдомъ Скворода былъ очень веселъ и разговорчивъ, разсказывалъ про свои странствованія и встрѣчи съ разными людьми. Послѣ обѣда онъ пошелъ въ садъ. Погода была теплая, несмотря на позднее

время года. Долго ходить ему по пивным тропинкамъ, развѣдывать и утѣшать или работавшихъ въ саду крестьянскихъ мальчиковъ. Подъ вечеръ хозяинъ, беззаботно о томъ, что Григорій Савичъ долго не возвращается, пошелъ къ саду искать его.

Онъ нашелъ его подъ высокой развѣтистой липой. Скворода съ торжественнымъ, сповѣднымъ, величавымъ видомъ рылъ заступкою узкую длинную яму.

— «Что это, другъ Григорій Савичъ, чѣмъ это ты занимаешься?» спросилъ хозяинъ, подойдя къ старцу.

— «Пора, другъ, кончить страсти. Пора успокоиться».

— «И, братъ, пустое! Позно тебѣ шутить. Поидемъ въ домъ».

— «Иду; но прелезъ буд; прелезъ тебѣ: пусть здѣсь будетъ жон послѣдняя драмина».

Онъ пошелъ въ домъ; но Скворода не долго оставался со всѣми выветъ. Онъ пошелъ въ свою комнатку, перекинулъ бѣлье, умылся и легъ на кровать, скрестивъ на груди худыя руки.

Долго его ждали къ ужину; но онъ не явился. На другой день къ чаю онъ тоже не явился, къ обѣду тоже. Обезпокоенный хозяинъ дома рѣшился пойти къ его комнатѣ.

Отворивъ дверь и подойдя къ кровати, хозяинъ, полагая, что Григорій Савичъ спитъ, сталъ будить его. Но сонъ Григорія Савича былъ уже непробудный.

Жизненное странствие его кончилось, но оно продолжалось жить в душах людей. Некоторые его пѣсни и духовные стихи долгое время были очень распространены среди простого народа. Украинскіе бродячіе пѣлцы, называемые «бандурнистами», и малороссійскіе сабѣнды распѣывали ихъ на большихъ дорогахъ и на ярмаркахъ.

Его религиозныя сочиненія были особенно распространены среди крестьянъ. Крестьяне съ большаго интересомъ читали и пересказывали сочиненія Сковороды; они тѣмъ составляли для нихъ духовные стихи, придерживаясь его же напѣвковъ.

Въ воспоминаніяхъ Лубнанскаго рассказывается, что въ 1831 году одинъ старикъ крестьянинъ говорилъ о Сковородѣ, что «это была человекъ разумный и добрый, училъ и наставлялъ добру, страху Божьему. Когда починаетъ вѣшь, бывало, рассказывать страсти Господня, или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце, бывало, до того ражматается, что заплачешь. Вѣчная память Сковородѣ!»

Нале можно указать такихъ народныхъ лицъ, каковыиъ былъ Сковорода, и которыхъ бы такъ поминали и уважали народъ, писалъ Н. И. Востариковъ. На всемъ пути отъ Острогожска (Воронежской губ.) до Кіева во многихъ домахъ висятъ его портреты; всякій грамотный малороссъ знаетъ о немъ; имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его странническая жизнь — предметъ разсказовъ и анекдотовъ, изъ которыхъ мѣстами потожки отъ отцовъ и дѣдовъ знаютъ о

мѣстахъ, которыя онъ посѣщалъ, гдѣ любилъ пребывать, и угадывалъ на нихъ съ точностью; доброе расположеніе Сковорода къ некоторымъ изъ его современниковъ составляетъ семейную гордость вѣнчанъ; страстующіе пѣвцы усели его пѣсни; въ крайности шрадинскій, на Аржарскій, нерѣдко можно встрѣтить толпу народа, свирѣжающую группу вѣнчанъ пѣвчанъ и со слезами слушающую пѣсань Сковорода».

Среди образованнаго круга Сковорода не пользовался и десятой долей той славы, которую онъ приобрѣлъ среди народа. Это происходило главнымъ образомъ потому, что образованные люди мало интересовались тѣми религиозными вопросами — о Богѣ, о смерти, о смыслѣ жизни, о любви, разрешеніемъ которыхъ занимали Сковорода. Среди образованныхъ людей давно уже утвердился взглядъ, что вѣра въ Бога и въ то, что наша жизнь не превращается со смертію—одно суевѣріе, а жизнь по ученію Христа—въ смиреніи, любви и нищетѣ—невозможна.

Многіе изъ образованныхъ людей считали Сковороду «чужакомъ», «простоватымъ», а его образъ жизни называли «страннымъ и дикимъ». Жизнь, вся цѣлкомъ посвященная желанію истины, жизнь въ нищетѣ, неизвѣстности, всенародная, открытая проповѣдь того, что считаешь истинной—такая жизнь можетъ казаться странной и дикой только тѣмъ людямъ, въ душѣ которыхъ погвела искра Божія.

III.

Сочиненія Г. С. Сковороды.

Большинство сочиненій Г. С. Сковороды представляют изъ себя разсужденія о Богѣ и о человѣкѣ. Кроме разсужденій, онъ писалъ также басни и стихотворенія. Все они отличаются искренностью и серьезностью содержания. Такою же серьезностью содержания отличаются и письма его къ разнымъ лицамъ.

Сочиненія Сковороды замѣчательны тѣмъ, что во всѣхъ ихъ, отъ перваго до послѣдняго, нѣтъ ни одного противорѣчя. Одно сочиненіе дополняетъ и разъясняетъ другое; но ни въ одномъ нельзя найти ни одной мысли, которая противорѣчила бы мыслямъ, высказаннымъ въ другомъ сочиненіи.

Эта последовательность и отсутствие противорѣчій показываютъ то, что Сковорода глубоко вѣрила въ то, что представляла. Его вѣра была такъ глубока, что на все въ мірѣ онъ смотрѣлъ съ одной и той же точки зрѣнія. Люди, не твердые въ своихъ взглядахъ, постоянно противорѣчатъ сами себѣ. Но человѣкъ, который всѣмъ существомъ своимъ вѣритъ въ какую-нибудь одну основную истину, не можетъ противорѣчать самъ себѣ. Онъ знаетъ, что есть истина и что ложь, и потому не можетъ сегодня говорить одно, а завтра другое. Такимъ человекомъ и былъ Г. С. Сковорода. Онъ любилъ истину больше всего на свѣтѣ и желалъ в другихъ изучить тому, что

считала истинной, и потому обращался со словами осторожнѣе («отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься», сказалъ Христосъ), писалъ обдуманно и только тогда, когда чувствовалъ потребность писать. Слова человека могутъ быть искренны только тогда, когда они исходятъ изъ глубины сердца. Таковы и были слова Свєворода. «Что я говорю, писалъ онъ, то говорю отъ избытка сердца, и не для того, чтобы только говорить или чтобы не молчать. И рѣдко жаль промолчала бы, если бы разумъ мой не велѣлъ мнѣ говорить. И если я молчалъ много, то отъ избытка сердца».

Насколько искреннѣе былъ Свєворода въ личностѣ общеніи съ людьми, никогда не притворяясь и не говоря того, чего не думалъ, настолько же искреннѣе былъ онъ и въ письмахъ. Въ каждой строчкѣ видна искренность его вѣры.

Въ то время, когда онъ писалъ, всѣ русскіе стихотворцы, наперерывъ одинъ передъ другимъ, подносили властямъ рѣзкомыя стихи, въ которыхъ льстили имъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и за это получали награды и чины. Нечего и говорить, что Григорій Садичъ никогда не унижился до чего-либо подобнаго. Его стихотворенія дышали огнемъ любви къ Богу и ближнему; тому, кто создавалъ ихъ, и въ голову не жгало прийти мысль продать свой талантъ, данный ему отъ Бога для служенія Ему, за золотыя и серебряныя табакерки, какъ дѣлали тогдашніе знаменитые стихотворцы.

Наилучшимъ выраженіемъ доступной человѣку истины Сковорода считалъ Библію, т.-е. Ветхий и Новый Заветъ. Но онъ понималъ Библію такъ, какъ самъ считалъ правильнымъ. Онъ не вѣрилъ въ многочисленные рассказы о чудесахъ, неизвѣстныхъ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Заветѣ. Божіе чудо онъ считалъ невозможнымъ, противобожественнымъ *). Изъ міста изъ Библіи, гдѣ разсказывается о чудесахъ, онъ не отвергалъ, но старался понимать въ аллегорическомъ (особенно) смыслѣ. Такъ, въ Евангеліи рассказы о воскресеніи Іисуса въ Христовѣ жертвахъ и о воскресеніи самого Христа онъ понималъ въ смыслѣ воспріятія добра въ человѣкѣ, извѣдыванія основательнаго — въ смыслѣ избавленія отъ зла и тому подобное.

Кромѣ Библіи, Сковорода находилъ истину въ ученіяхъ древнихъ мудрецовъ: Сократа, Платона, Плутарха, Филона, Фронтена, Декарта и другихъ. Хотя въ некоторые изъ нихъ были изысканы, Сковорода считалъ ихъ, по духу ихъ ученія, истинными учениками Христа.

IV.

Краткое изложеніе ученія Г. С. Сковороды.

Люди ищутъ счастья и думаютъ найти его въ богатствѣ, въ удовольствіяхъ, въ почетѣ. Но и то, и другое, и третье доставляетъ въ концѣ концовъ только скуку, приводитъ въ разочарованію въ

*) См. въ примѣч. «Исторіи жизни Сковороды», стр. 11.

жизни и не дастъ истиннаго счастья. Потому за богатствомъ и почетами вносить правду въ жизнь людей и потому удалять ихъ отъ счастья. Человѣкъ, погоняющій счастье въ достиженіи материальныхъ благъ, никогда не бываетъ доволенъ. Едва только получитъ одно, какъ уже желаетъ другого, и такъ безъ конца.

Нужно понять, въ чемъ смыслъ жизни человѣческой и истинное счастье, и соответственно этому изменить и жизнь свою. Но люди до такой степени погружены въ суету жизни, что имъ некогда отстраниться на себя, задуматься о своей жизни и о своемъ назначеніи.

Въ поискахъ за удовольствиями тѣла, люди совсемъ забываютъ о душѣ своей. А между тѣмъ изъ вещей божьихъ, цѣннѣе людей Богомъ, души есть самое драгоценное и самое неотъемлемое.

Истинное благо—въ духѣ, въ Богѣ. Ищи Бога, познавай истину, живи по совѣсти—и будешь имѣть истинное счастье, которое не зависитъ ни отъ времени, ни отъ мѣста, ни отъ пола, возраста, состоянія. Одно только всегда въ власти человека: духъ его. Въ немъ и счастье. Все остальное измѣнчиво, непостоянно и не можетъ принести истиннаго счастья.

Чтобы познать Бога, человѣку нужно сначала познать самого себя. Пока человекъ не нашелъ Бога въ себѣ самомъ, онъ не найдетъ Его и въ мірѣ.

Пока мы не познаемъ себя, намъ вѣтъ никакой пользы въ знаніи внешнего міра. Изученіе внешнего міра не можетъ удовлетворить человека, стремящагося познать смыслъ своей жизни.

Ваше нужно остановиться в своей деятельности, вступить в себя и принять требования Духа Божьяго, живущаго в насъ.

Миръ видимый представляется намъ вѣчно движущимся, измѣняющимся, Богъ же есть неизмѣнное духовное существо, составляющее сущность нашей жизни.

Разумный человекъ считаетъ жизнь свою принадлежащей не себѣ, а Богу, и не только, что съ нимъ случается, видитъ волю Бога и потому не ропщетъ на судьбу и старается быть довольнымъ всѣмъ, что ему посылаетъ Богъ.

О Богѣ люди заблуждаются двоякими образомъ: одни, хотя и признаютъ Бога, но духовно слышатъ Ему стрелками суевѣршии; другіе признають существующаго только то, что можно увидѣть или ощупать, и потому не признають истиннаго Бога.

Истинные вѣры пробуждають въ человекѣ покорность воли Божьей, такъ что человекъ становится самою волею съ волею Бога, и потому дѣлается уже не рабомъ Бога, а сыномъ Бога.

Вѣрить въ Бога — не значитъ вѣрить въ то, что Онъ существуетъ, а значитъ — возложиться на Него и жить по Его закону.

Весь законъ Его выражается въ одной любви ближняго.

Для того, чтобы не ослѣбиться въ томъ, что есть воля Божія, каждый человекъ долженъ слушаться своего внутренняго голоса, который указываетъ ему, что добро и что зло. Человекъ долженъ жить не по своимъ прихотямъ и не по со-

вѣтамъ другихъ людей, а по требованіямъ Духа Божьяго, живущаго въ немъ.

Духъ Божій, живущій въ людяхъ, призываетъ ихъ къ общей для всѣхъ и радостной работѣ: установленію Царства Божья на землѣ, основаннаго на любви.

Только тотъ человѣкъ можетъ быть работникомъ для водворенія Царства Божья на землѣ, который вѣруетъ въ Бога и законъ Его—любить ближняго. Тотъ, кто много знаетъ, но не вѣруетъ въ законъ Бога—любить ближняго, тотъ все знанія свои употребляетъ во вредъ людямъ. Чтобы любить людей, человѣкъ долженъ прежде отречься отъ любви въ себя, (Отреченіе не отъ любви къ себѣ всегда начинается съ поддержанія въ платьѣ и пищѣ). Увеличеніе въ себѣ любви къ людямъ не имѣетъ предѣловъ.

Только жизнь, въ основу которой положена любовь къ Богу и ближнему, имѣетъ разумный смыслъ. Жизнь, состоящая изъ умышленнаго похотѣнія тѣла, не можетъ имѣть разумнаго смысла, потому что тѣло наше должно неизбежно и очень скоро разложиться.

Тѣло человѣка разлагается, но духъ, живущій въ немъ, вѣченъ. И потому человѣкъ, живущій жизнью духа, имѣетъ жизнь вѣчную. То, что люди называютъ смертію, есть не уничтоженіе жизни, а только переходъ формы жизни, переходъ въ новую жизнь.

Избранные мысли Г. С. Сковороды *).

I. О ложной жизни.

1.

Сколько миллионов людей погубило богатство! До каких порожней оно доводит людей! Целые народы, благодаря ему, исчезли съ лица земли. Стремление къ богатству и рождаетъ производить ропотъ на судьбу, уныніе, завиду, суды, грабительства, всякаго рода хитрости и обманы (II, 88).

Варские престолы, пышная чертота, великолепные экипажи, серебро и золото — все это одна суета, обремененіе, беззачинство и страданіе. Не гонись за этимъ; ищи вышшаго и божественнаго (II, 75).

2.

Христосъ кричитъ вамъ: Я — путь, истина и жизнь. А вы подумаете, что путь, истина и жизнь въ нашемъ тѣлѣ, и сообринно съ этимъ и живете, удовлетворяя похотенію тѣла. Одинъ обмануться о томъ, что не получили живота, которое могло бы обезпе-

*) Эти мысли всѣ собраны Сковородою изъ разныхъ книгъ, такъ какъ, по нашему предположенію, онъ, по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ къ избранной мысли въ современную жизнь. Кроме того, и дополнилъ себя въ своемъ журнальчикѣ сочиненіемъ, въ другомъ — переставилъ известнаго жителя, состоящаго ономъ житею съ другимъ для вышшаго или божественнаго жителя, Существовавшая Г. С. Сковорода писатель не страдала отъ этой чуждой мысли и житею. Цѣлымъ же спискомъ писатель отдалъ въ странномъ Христианскомъ журнальчикѣ Сковороды 1864 году.

чить ему обѣды изъ десяти блюдъ, а теперь онъ кушаетъ только изъ шести; другой омерзается тѣмъ, что онъ не знатнаго происхожденія, не воспитанъ въ роскоши и не привыкъ собою; третій приходитъ въ отчаяннѣе отъ того, что изъ подростка его изчезла уже бѣлота сѣдинъ, зубы выпадаютъ, глаза при- тупляются, все тѣло слабѣетъ, и онъ не изъ силъ уже танцевать и такъ много ѣсть и пить, какъ прежде (II, 16, 106).

Сколько трудовъ ны вкладывъ на то, чтобы въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ страданій и безсмысленныхъ, получить самую ничтожную выгоду! Не лучше ли попытаться единымъ кореньемъ и имѣть миръ и радость въ сердцѣ, чѣмъ сидѣть за обильными столами съ тревогаю и безсмысленностью въ душѣ? Не лучше ли прикрывать свое тѣло самой бѣдной одеждою и быть веселымъ, чѣмъ носить украшенное золотою тканью, а въ сердцѣ чувствовать муку? Не стои ли такой степени привычки думать, что счастье въ деньгахъ, что желаютъ себя богачами, а не радости, обильнаго стола, а не шпестета, мягкой постели, а не вѣликаго сна. Вѣдь мудрая пословица: «Не проси дождя, а проси урожай»; бываетъ, что и дождь вредитъ хлѣбамъ. Не желай богатства, а желай счастья; бываетъ, что богатство дѣлаетъ несчастнымъ. Если бы богатство приносило счастье, то мало ли богатыхъ? А между тѣмъ людей, довольныхъ жизнью и своей душою, очень мало. Сколько миллионеровъ во всемъ свѣтѣ такихъ людей, которые, топчась на материальныхъ благахъ, день и ночь выкрутятся на свои

жизнь и ничьим не бывают деловыми! Едва только приобрести одно, как уже желают дру-
гого, и такъ безъ конца.

Послѣ этого не стыдно ли говорить, что тяжело
иго Христово, когда оно набалуетъ отъ множества
гораздо болѣе тяжелыхъ трудовъ и безплодныхъ
нирожихъ. Неси иго Христово, мы приобретаемъ
великое сокровище — душевный миръ и спокойствіе.
Если тяжело иго Христово, то болѣе всего въ тысячу
разъ тяжелѣе. «Возьмите иго Мое на себѣ и най-
дете покой душамъ вашимъ; ибо иго Мое благо и
бремя Мое легко» (Матѳей II, 29—30).

Зачѣмъ же говорить о тяжести иго Христово?
Бѣго пошаль въ ровъ или въ рѣку, тотъ долженъ
думать не о томъ, трудна ли свистнсь, а о томъ,
какъ ему свистнсь (II, 108, 119, 139, 82).

3.

Многіе люди вовсе не трудятся и проводятъ время
только въ томъ, что бѣгать, пить и развлекаться.
Самая интересная работа будетъ скучна и утоми-
тельна, если работать безъ достаточнаго отдыха.
Но заниматься только тѣмъ, чтобы ничего не дѣ-
лать, еще болѣе скучно и утомительно. А кто
бѣетъ, пьетъ и развлекается только для того, что-
бы послѣ отдыха хотѣло приняться за работу,
тотъ не будетъ жить, что такое скучно. Онъ каж-
дый день и работаетъ и отдыхаетъ, и о немъ-то
пословица говоритъ: «Для добраго человека каждый
день праздникъ». Трудъ есть источникъ радости
(II, 136).

4.

Пряждность тивелѣе горь Кавказскихъ, это правда. Но неужели у человека только и можетъ быть дѣла, чтобы продавать, покупать, жениться, возвать, судиться, стронуться, охотиться? Неужели наша жизнь заключена въ такіе узкіе пруды? Мы ищемъ только удовольствій тѣла и не имѣемъ времени выскнуть въ самихъ себя, считать, заличить владыку нашего тѣла — вату душу. Мы похожи на телгу безъ колеса или на человека, который заботится о сапогахъ, а не о ногахъ, о кошелькѣ, а не о деньгахъ. Всео у насъ въ изобиліи, одной только души намъ не хватаетъ. Есть, правда, и у насъ душа, не такая, какъ была у человека, рабитаго парализаомъ. Она у насъ разслаблена, уныла, прихотлива, труслива, тивостлива, жадна, ничѣмъ не довольна, въ томъ числѣ и сама собой.

Не забываете себя и въ вавескѣ изобиліи. Не хлѣбаетъ единѣе жить человекъ. Того хлѣба, вествественнаго, у насъ много; а есть ли духовный? *)

Что ты можешь найти во всемъ мірѣ такое дорогое, на что бы ты могъ промѣнить душу свою? (II, 104)

II. Въ чемъ истинное счастье.

5.

Благодареніе Богу за то, что Онъ едѣлалъ нужное людямъ не труднымъ, а трудное — невозможнымъ.

Нуждѣ всего для человека счастье, а счастливѣе быть легче всего. Благодареніе Богу!

*) Въ смысле, приведенномъ Давидовичемъ.

Царство Божіе внутри насъ. Счастье—въ сердцѣ, исполненномъ любви.

Что было бы, если бы счастье, нужное каждому человеку, зависѣло отъ вѣсти, отъ времени, отъ состоянія, отъ тѣла? Что было бы, если бы Богъ заключилъ счастье въ одной Америкѣ, или въ Іерусалимѣ, или во времени Соломона, или въ персикхъ чертогахъ, или въ богатствѣ, или въ чинахъ, или въ пустыняхъ, или въ кузцахъ, или въ здоровьѣ, или въ красотѣ?

Развѣ возможно было бы всему роду человѣческому помѣститься въ одной странѣ, или жить въ одно и то же время? Если бы счастье было въ богатствѣ, или въ здоровьѣ, или въ красотѣ, то вѣдь есть безчисленное множество людей, которые никогда не будутъ богаты, стариковъ, больныхъ, некрасивыхъ. Неужели Богъ заградилъ имъ путь къ счастью?

Если люди видятъ счастье въ богатствѣ, въ чинахъ, въ красотѣ тѣла, то такого счастья трудно достигнуть. Но благодареніе Богу, что Онъ трудное сдѣлалъ невозможнымъ.

Если же ты желаешь быть истинно счастливымъ, то не ищи счастья въ дѣловыхъ странахъ, не выпрашивай его у людей, не кланяйся сильнымъ. На деньги можно купить имѣнье—вещь ненужную, а счастье, нужное каждому, всегда и везде дается отъ Бога даромъ. Знай, что все то, что не дается тебѣ, ускользаетъ отъ тебя, все то не твое и не нужно тебѣ. Завѣявъ же тебѣ гнѣться за жемчугъ? Если бы оно было нужно тебѣ, то никогда Богъ не лишилъ бы тебя его.

Благодарение Богу: счастье не зависит ни от неба, ни от земли — только от нас самих.

Одно только есть во мире благо, одно оно нужно намъ, и достигнуть его легко. Что же такое это благо? — Богъ. Все, что есть во мире, ничтожно и подвержено разрушенію; одинъ только Богъ остается всегда и вездѣ.

Благодарение же Богу, что все отъ насъ уходитъ и все намъ трудно, кромѣ того, что одно намъ нужно.

Люби Бога и приближайся къ Немю всегда, приближайся сердцемъ и умомъ, а не только и языкомъ (II, 183, 184, 87, 12).

В.

Чтобы познать Бога, нужно сначала познать человека. Пока ты не знаешь Бога въ себѣ, ты не найдешь его и внѣ себя (I, 105).

III. О познаніи себя.

7.

Величайшая мудрость заключается въ древнемъ изреченіи: «Познай самого себя». Познавая себя, человекъ познаетъ и Бога, а вместе съ тѣмъ и путь къ истинному счастью. «Вы храните Бога живого, и Духъ Божій живетъ въ васъ» (Дѣянія апостоловъ).

Тотъ человекъ позналъ себя, который увидѣлъ въ своей душѣ Царствіе Божіе. Въ нашемъ гибнущемъ тѣлѣ скрыто сокровище: въ немъ таится невидимый Духъ Божій, которымъ держатся все тѣло. Чемъ больше человекъ познаетъ себя, тѣмъ больше онъ приближается къ Богу (II, 113, 115, 15).

8.

Подобно тому, какъ жизнь корабля заключается не въ томъ, чтобы знать длину всѣхъ веревонъ, пространство всѣхъ вѣтвъ и тому подобное, а въ томъ, чтобы знать устройство его и причину его движенія, такъ и жизнь самого себя состоитъ не въ томъ, чтобы узнать до мельчайшихъ подробностей свое тѣло, а въ томъ, чтобы узнать духъ свой, который управляетъ тѣломъ, и его отношеніе къ тѣлу (II, 113, 114).

9.

Пока мы не познали самихъ себя, какая намъ польза знать видный міръ? Да и возможно ли, не познавъ себя, познать міръ? Можетъ ли тотъ, кто слѣпъ дома, быть зрителемъ въ гостяхъ? (II, 12).

10.

Мы измѣрили землю, солнце, воздушные пространства, морскія глубины, лѣземъ въ глубь земли за золотомъ, отыскали горы и рѣки на луиѣ, открыли безчисленное множество новыхъ звѣздъ, засыпаемъ пропасти, вздымъ во воду, строимъ сложныя машины; что въ день, то ночью открытій и новизны опыты. Боже мой! чего мы только не умѣемъ! чего не можемъ! Но фѣдъ въ томъ, что при всѣхъ этихъ разнообразныхъ познаніяхъ и открытіяхъ мы чувствуемъ, что намъ не хватаетъ чего-то великаго. Чего именно—мы сами не знаемъ. Мы похожи на маленькаго ребенка: онъ чувствуетъ, что ему не хорошо, а почему не хорошо—онъ не знаетъ.

Мы изучили математику, медицину, физику, механику, музыку, поэзию, рисование; но чѣмъ больше мы занимались ими, тѣмъ больше чувствовали, что не найдемъ здѣсь того, что намъ нужно. Науки не удовлетворяютъ стремленіямъ нашего духа.

Есть главная наука, которая нужна каждому человеку, какого бы онъ ни былъ возраста и пола, и положенія, и въ какой бы странѣ, и въ какое бы время онъ ни жилъ. Эта наука ведетъ человека къ истинному счастью, чего нельзя связать ни про одну другую науку; а такъ какъ счастье нужно каждому человеку, то и это главная наука нужна каждому человеку.

Эта главная наука есть познаніе самого себя и познаніе требованій нашего духа — Духа Божьяго, живущаго въ насъ.

Еще на стѣнахъ древняго языческаго храма было написано мудрое изреченіе: «Познай самого себя». Этому же самому училъ и Моисей: «Внемли себѣ»; и Саламанъ: «Знаете ли себя премудры»; и Христосъ: «Царство Божіе внутри васъ»; и Павелъ: «Вы храните Бога низше и Духъ Божій живеть въ васъ».

Старайся, чтобы Богъ твой всегда былъ съ тобою. А Онъ съ тобою будетъ тогда, когда ты съ Нимъ будешь. (II, 92—94, 123).

11.

Мы все узнаемъ и все можемъ; только хотимъ себя найти мы не умѣемъ и не хотимъ. Удивительное дѣло! Человекъ живетъ на свѣтѣ тридцать лѣтъ, и не могъ замѣтить, когда онъ чувствуетъ

себя лучше всего, и отсюда познать, въ чемъ его счастье. Видно, что онъ мало размышляетъ воедиѣ.

Мы изучаемъ солнечную систему, но въ самой удивительной изъ всѣхъ, существующихъ въ мірѣ, системѣ—системѣ нашего духа—мы ничего не познаемъ. Мы возвратили намъ умъ и не стараемся познать то, что едва достойно нашей любви.

Намъ нужно остановиться въ нашей дѣятельности, очистить сердце, выкинуть изъ себя и познать Духъ Божій, живущій въ насъ (II, 95, 93, 12, 94).

Если ты знаешь Христа, то не важно, если ты ничего другого не знаешь, если же ты и многое знаешь, но не знаешь Христа, то ничтожны побѣды твоя знанія *).

Духъ въ человѣкѣ подобенъ царю, живущему въ простой и бѣдной хижинѣ. Всѣ, кто не знаютъ, что онъ царь, презираютъ его и считаютъ ниже всѣхъ. А кто узналъ, что онъ царь, тотъ считаетъ его выше всѣхъ.

«Сынъ мой! храни сердце твое, любя душу твою» (Слѣхъ).

Не смотри на то, что тѣло твое слабо, печально и смертно. Въ немъ скрыто сокровище—бессмертный Духъ Божій (II, 332).

IV. О Богѣ.

13.

Во всемъ безпредѣльность, неограниченность во времени, во пространствѣхъ мірѣ и низу одно

*) Въ чашѣ славы.

разумное начало, потому что вижу одну разумную плоть во всей его безпредельности. Это начало есть Богъ или вѣчность.

Во все время и у всехъ народовъ была вѣра въ то, что есть какая-то невидимая сила, разлившаяся по всему міру и держащая весь міръ.

Эта невидимая сила или Богъ проникаетъ собою весь видимый міръ. Онъ вездѣ и всегда былъ, есть и будетъ.

У древнихъ Богъ назывался всемірный разумъ, природа, жизнь, вѣчность; у христіанъ — Духъ, Отецъ, Господь, разумъ, истина.

Міръ видимый, измѣняющійся, есть какъ бы одежда для міра невидимаго, неизмѣннаго. Онъ есть какъ бы тѣнь его.

Какъ Богъ вѣченъ, такъ и видимый міръ, тѣнь его, вѣченъ. Пока существуетъ яблоня, до тѣхъ поръ листья съ нею существуютъ и тѣнь ея. Міръ видимый, какъ и Богъ, всегда былъ, есть и будетъ. Давно уже мудрецы сказали: вещество вѣчно, то-есть оно вездѣ существуетъ, всегда существовало и всегда будетъ существовать (II, 258, 185, XCV).

13.

«Зачѣмъ ты спрашиваешь объ имени Моемъ? говоритъ Богъ Моисею. Если ты можешь за видимымъ, движущимся міромъ видеть то, что вездѣ и всегда было, есть и будетъ, то ты знаешь Меня. Мое имя такое же, какъ моя сущность. Я — сущій, то, что есть. Кто желаетъ знать Мое имя, тотъ не знаетъ Меня» (II, 113, 86).

14.

Невидимое и неизмѣнное Начало въ мірѣ видимо и движущееся есть жизнь въ смерти, свѣтъ среди тьмы.

Невидимое начало неизмѣнно, міръ же видимый вѣчно движется. Въ немъ происходятъ обычное рожденіе и смерть. Смерть одного предмета — рожденіе другого. Цыкленовъ начинается только тогда, когда яйцо начинаетъ вскалывать. Такъ всегда во всемъ безконечномъ видимомъ мірѣ идетъ безпощадное движеніе (II, 258).

V. Объ истинной вѣрѣ и истинной жизни.

15.

Неразумные люди, когда они богаты, гордятся и презираютъ бѣдныхъ; а когда лишаются богатства, то приходятъ въ отчаяніе и унижаются передъ людьми. И въ томъ и въ другомъ случаѣ они одинаково несчастны. Въ первомъ случаѣ они суетятся и мучатся, какъ сумасшедшіе, а во второмъ въ отчаяніи не знаютъ, что дѣлать.

Все ихъ бѣдствіе происходитъ отъ того, что они не научились Царству Божію и правдѣ Его и думаютъ, что въ жизни міра нѣтъ никакого закона и все дѣлается случайно, какъ придется. Но тотъ, кто научается въ жизни міра, тотъ пойметъ, что все въ мірѣ происходитъ по самому точному закону — по закону правды и равенства. Это сознаніе проясняетъ человѣка съ его положеніемъ.

Если жизнь богатая ищет преуспеяния передъ бѣдой жизнью, то и бѣдая жизнь ищетъ преуспеяния передъ богатой. И такъ всѣ въ мирѣ. Меньше врачей—меньше больныхъ; меньше денегъ—меньше потребностей; меньше оружій—меньше войвъ; меньше поваровъ—меньше изощреннаго вкуса; меньше властей—меньше страха; меньше посланиковъ—меньше тоски; меньше слѣвы—меньше презрѣнiя; меньше друзей—меньше враговъ; меньше здорья—меньше страстей.

Каждое время, каждый страхъ, каждый народъ, каждый городъ, каждое село, юность и старость, болѣзнь и здоровье, смерть и жизнь, ночь в день, каждый полъ и возрастъ, — все ищетъ свои хорошия стороны. Но разумные люди не поклоняются этому и во всемъ видятъ только дурное. Они недовольны ни временемъ, въ которое живутъ, ни страной, гдѣ своимъ должны жить, своимъ способностямъ, своимъ возрастомъ, своею судьбой, ни болѣзнями, ни здоровьемъ, ни смертью, ни жизнью, ни старостью, ни молодостью, ни лѣтомъ, ни зимою, ни днемъ, ни ночью.

Решить изъ судьбу, болѣть душою—это значитъ не видѣть Царства Божiа и грады Его, ставить себя на мѣсто Бога.

Кетинная кѣра состоитъ въ томъ, чтобы, подобно Иову, не считать Бога безумнымъ и благодарить Господа во всякое время.

Чуденъ Ты, Господи! Чуденъ жръ Твоей: чуденъ человекъ Твоей! (II, 165—166, 51).

16.

Мы не должны впасть ни въ самоудѣланное безбожіе, которое признаеть существующимъ только то, что можно оцунать или увидѣть, какъ въ рабское суевѣріе (II, 252).

17.

Вѣтъ людей болѣе жестокихъ къ туземцѣмъ, чѣмъ люди суевѣрные. Эти люди, ставъ вѣдѣныи и неосновательныи выдуми киши злости и любви и утративъ чувство челоукачеловѣчія, гонять своихъ братьевъ, дышии уиѣствителъ и думая этииъ угодиъ Богу.

Суевѣрія производить и всегда производили великіе ииѣла, слери, секты, вражду, войны, младенческіи страхи.

Суевѣры говорятъ: слушай, браты! этого не можетъ быть. Это протлвоестественно. Это надо познать иначе. Но суевѣръ ничего не хочетъ слушать и объяснитъ вредныи людямъ и еретикамъ всѣтъ, что не согласуетъ съ нимъ.

Мысль, что природа когда-то и гдѣ-то дѣлала то, что теперь нигде и ницѣ не дѣлаетъ,—это мысль дѣтская, представляющая природу прихотливой и непостоянной. Какъ можетъ природа возстать противъ своихъ собственныхъ законовъ? Гдѣ онъ желѣла желѣла тонуть, такъ всегда и бываетъ. Только сумасшедшіи могутъ сказать, что желѣло плаваетъ.

Суевѣріе обращаетъ всю мудрость Боговѣданія въ слѣпной ищоръ.

Судьба служить прикрытием лицемерамъ, жоншикамъ и дармоедамъ. Оно составляетъ брата на брата, отца на сына. Оно знамя братской крови улицы Парижа *).. (II, 253—254).

18.

Истинная вѣра дѣлаетъ насъ нѣ рабовъ Божьихъ сынами и друзьями Бога, порождая у насъ свободное желаніе исполнить волю Божію. «Ты уже не рабъ, а сынъ» (Галатамъ IV), (II, 173).

19.

¹⁸⁸⁸Вѣрять въ то, что Богъ существуетъ, и вѣрять въ Бога—не одно и то же. Вѣрять въ Бога значитъ любить Бога, поклоняться Ему и жить по Его закону. Все думаютъ, что исполненіе заповѣдей Божьихъ—трудно, мучительно и бесполезно. Думать такъ—значитъ не вѣрять въ Бога (I, 121; II, 198).

20.

Богъ ничего не требуетъ отъ насъ, кромѣ искренней любви къ ближнимъ (II, 190).

21.

Мы привыкли судить людей по ихъ внешности. Такъ мы смотримъ на Христа, и изъ Его жизни и ученія обращаемъ вниманіе лишь на мелочи. Намъ интересно узнать, гдѣ Онъ родился? Кто были Его родители? Сколько лѣтъ Онъ жилъ? Сколько лѣтъ

*) Дѣла Свѣтлорада относятся къ событію, бывшему въ Парижѣ въ 1873 году, когда два революціонныя общества (коммуна и пролетаріаты), дамо уже прекращавшіе между собой, устроили, наконецъ, общинную рѣчку, въ которой каждый изъ нихъ долженъ былъ чинить чиншомъ.

прошло съ тѣхъ поръ? Двѣ тысячи прошло или еще нѣтъ? Не забудь намъ знать, кто былъ Христосъ не плоти? Вспомини, что Христосъ говорилъ Своимъ ученикамъ. Онъ спросилъ у Петра: что такое истинный человекъ? За кого меня считаютъ люди? Петръ отвѣчалъ: одни за Илью, другіе за Іеремию и другихъ пророковъ. — Ну, а ты какъ думаешь? спросилъ его Христосъ. — Ты сынъ Бога живаго, отвѣчалъ Петръ. — Хорошо, Петръ. Счастливъ ты, что понимаешь это. Ты же смотришь на плоть и кровь, какъ всѣ люди, а смотришь на Духа Отца живаго, который не происходитъ отъ плоти, но заключенъ въ плотную оболочку (II, 175, 176).

22.

Весь законъ Божій заключается въ одной заповѣди: любви (ближнѣго.) Мы забыли законъ Божій и сдѣлали его съ грѣхомъ человѣческой и даже чело-вѣчскія выдумки ставимъ выше Божьяго закона. Понимаемъ всѣ чело-вѣчскіе законы, мы забываемъ о любви; и обещаемъ надъ нами слово Христа: лице-мѣры! предвзятые вашимъ вы уничтожаете законъ.

Все то, что не есть законъ Божій, требующій любви, — все это чело-вѣчскіе выдумки (II, 191).

23.

Любовь есть путь къ познанію Бога и воли Его. Потому-то и Слѣдъ Бога называется Любовью (II, 191).

24.

Тотъ, кто исполняетъ законъ Божій — любовь, тотъ выше законовъ гражданскихъ и управляетъ

Самимъ Богомъ. Чѣмъ больше въ обществѣ такихъ людей, тѣмъ оно счастливѣе, потому что любовь есть то, на чемъ основывается и чѣмъ держится общества, и не дрожитъ говорится пословица: «Доброе братство надежнѣе каменныхъ стѣнъ». «Великій, кто въ немъ пребываетъ, не сограждаетъ» (Писанна III, 1), (II, 173).

25.

То дѣло человѣкъ дѣлаетъ съ помощію Божіей, за которое онъ беретъ не по своимъ прихотямъ и не по внушенію другихъ, но посланную въ самого себя и слѣдующую влеченіемъ живущаго въ немъ и зовущаго его Духа. Каждый человѣкъ предназначенъ для того дѣла, къ которому влечетъ его Духъ. Духъ твой не ошибется. Онъ укажетъ тебѣ самый вѣрный путь къ тому, для чего ты рожденъ—то есть къ тому, чтобы быть счастливымъ самому и помогать для другихъ.

Зачѣмъ же ты торопишься? Зачѣмъ хвастаешься за дѣло, не зная, способенъ ли ты къ нему? Укажи себя и послушай Господа твоего. Въ тебѣ живетъ царь твой, отецъ и наставникъ. Найди его и слушайся его. Онъ одинъ знаетъ, что тебѣ слѣдуетъ дѣлать. Безъ этого царя не дѣлай ничего. Божь Божь ни до верога, а съ Богомъ хоть за море (II, 117, 125).

26.

Не во всякой работѣ способенъ каждый изъ насъ, но въ исказію Царства Божіа и правды Его способенъ всякій добрый человѣкъ. Нѣтъ ничего ра-

достигне этой общей для всех нас работы. Всякая же частная работа должна вытекать из этой общей работы (II, 163).

27.

Для разумного человека весь мир — отечество; ему везде и всегда хорошо, потому что его сердце — в его духе. Он никогда не бывает изгнанником, но всегда чувствует себя странником. Уйдя от родины, он не оставляет отечество, а только переживает одно отечество на другое. Где он поселится, там и будет его отечество (II, 167).

28.

Зло есть не что иное, как созданное Богом добро, которым люди пользуются не так, как следует. Если кто-нибудь надевает на голову снопок, а на ногу пшенику, и ему будет тяжело, то отсюда не следует, что снопок и пшеница не нужны людям (I, 114).

29.

«Истинно говорю вам: наступило время, и наступило уже, когда мертвые услышат голос Сына Божия и услышавши оживут» (Иоанна 5, 25). Если сказано: «наступило уже», то как же мы думаем, что наша смерть и наше воскресение произойдут завтра, или через тысячу лет, или через безконечное время? Умирают и умирали уже теперь те, которым Бог — чрез них, которые живут животной жизнью (I, 20).

Истина всегда правдива, как часы.

просвѣщенныхъ Божьихъ людей. Миръ ея принять не можетъ (II, 89).

30.

«Блаженны нищѣ духомъ, потому что ихъ есть царство небесное» (Маттея, V, 3). Нищій духомъ — не тотъ человѣкъ, который ничего не имѣетъ, а тотъ, который, если и живетъ въ богатствѣ, однако не дорожитъ ими, и готовъ всегда безъ сожалѣнія лишиться его. Богатый надѣется на свои богатства, а нищій духомъ надѣется на Бога.

Истинное богатство заключается въ томъ, чтобы имѣть необходимое и не желать лишняго. Не тотъ бѣденъ, кто имѣетъ мало, но тотъ, кто желаетъ имѣть все больше и больше.

Если ты ничего не имѣешь, кроме самаго необходимаго, и благодарить Богу, говоря какъ съ пророкомъ: «Праведникъ отъ горы живъ будетъ», то ты въ ризахъ своей бѣды царей (II, 245, 240).

31.

Различіе между истиннымъ и ложнымъ счастьемъ заключается въ томъ, что, обладая истиннымъ счастьемъ (солою духа), человѣкъ желаетъ, чтобы какъ можно больше людей обладали такимъ же счастьемъ; полнѣе же счастье въ богатствѣ или почетѣ, человѣкъ всѣ усилія употребляетъ къ тому, чтобы только онъ одинъ пользовался ими (II, 56).

32.

Важнѣе обратить къ Богу одного злоуднаго человѣка, чѣмъ изъ ничего создать новый миръ, населенный злыми людьми (II, 188).

33.

Что может быть вреднее человеку, обладающему знаніемъ самыхъ сложныхъ наукъ, но не имѣющему добраго сердца? Онъ все свои знанія употребляетъ во зло (II, 223, 92).

34.

Познать все существующее человеку невозможно, да и не нужно. Если бы ты познавалъ все существующее, то тебя ничто не интересовало бы и ты ничему не удивлялся бы, ты чувствовалъ бы скуку и уныніе (XO).

35.

(Изъ письма къ К. Н. Кавалерскому.)

Ты спрашиваешь, должно ли соблюдать умеренность къ добродѣтели. На это и отвѣчу, что есть два рода добродѣтелей: высшія и низшія. Низшія — это воздержаніе, постъ, презрѣніе къ богатству, удаленіе отъ дурного общества, чтеніе мудрецовъ, — словомъ, умереніе тѣла для возвышенія души.

Высшія добродѣтели — вѣра въ Бога, надежда на Него (вморовость воли Божіей) и любовь высшія изъ всѣхъ добродѣтелей — любовь.

Достигнуть высшихъ добродѣтелей можно только черезъ низшія. Низшія добродѣтели служатъ только средствомъ для достиженія высшихъ, и потому къ нимъ необходимо соблюдать мѣру. Если ты отъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ за чтеніемъ, разстроишь свое здоровье, то какъ же ты будешь учиться у мудрецовъ любви къ Богу? Тотъ, кому предстоитъ длинная путь, долженъ соблюдать мѣру

къ ходьбѣ. Ты пытаешься? это хорошо, но не доходи до того, чтобы ничего не бѣть или бѣть ядовитое. Воздерживайся отъ излишней пищи — отъ мяса, чтобы не возбуждать страстей.

Достиженіе высшихъ добродѣтелей есть цѣль человеческой жизни. Въ достиженіи ихъ не должно ставить себѣ никакихъ предѣловъ. Тотъ, чья любовь не имѣетъ предѣловъ, подобенъ Богу, потому что Богъ есть любовь (I, 50—51).

36.

Дѣй главными обязанностями родителей: хорошо родить и хорошему научить (II, 210).

37.

Избѣгай людей, которые, видя твои пороки и недостатки, оправдываютъ ихъ или даже одобряютъ. Такие люди или лгуны, или трусы, или просто дураки. Отъ нихъ не жди помощи ни въ какой бѣдѣ или несчастіи (II, 311).

VI. О смерти.

38.

Ты стремишься къ тому, чтобы доставить какъ можно больше наслажденій тѣлу твоему. Но долго ли будешь жить твое тѣло? Видѣть жизнь въ служеніи тѣлу — это значитъ построить себѣ домъ на льду. Какая радость можетъ быть въ такой жизни, какое спокойствіе? Не опасешься ли ты постоянно, что льдъ или вѣдвѣ льдъ растаетъ. — рано или поздно придется тебѣ оставить смертное твое тѣло.

Перенеси же домъ твой на твердую почву —
утверди жизнь твою въ Богѣ (II, 24).

39.

Люди боятся смерти и желаютъ жить еще можно
дольше. Но если смерть есть несчастье, то не все
ли равно умереть въ 30 или въ 500 лѣтъ? Много ли
радости для приговореннаго къ смерти въ томъ, что
теперашней его казнятъ черезъ 3 дня, а его черезъ
30 дней?

Жизнь, которая кончалась бы смертью, была бы
своей смертью (II, 55).

40.

Смерть есть то же, что рожденіе. Съ рожде-
ніемъ младенецъ вступаетъ въ иной міръ, начи-
наетъ новую жизнь, чуждъ тѣ, которую еще жила
въ утробѣ матери. Если бы младенецъ могъ думать,
то ему такъ же странно было бы родиться, какъ
взрослымъ людямъ странно умирать *). (I, 36).

41.

Приходи къ отчаянію отъ того, что тѣло наше
слабѣетъ и умираетъ, мы подобны дѣтямъ, которые
плачутъ о разбитомъ орѣхѣ, не понимая того, что
главная часть орѣха — зерно — не уничтожилась отъ
того, что развалился тѣ скорлупа, въ которой оно
находилось.

Не вѣрь въ то, что ты спишь, а вѣрь въ то,

*) Тоже слово въ смыслъ бессмысленности Л. Н. Толстой («О жизни»,
глава «Смерть и жизнь»).

что ты вбрани въ Богъ. Истинная твоя жизнь
вбрана, потому что всадилъ (II, 16, 17).

42.

Всѣмъ намъ желать, чтобы наше тѣло было
бессмертно, если есть Богъ бессмертный. Если есть
въ кошелѣ золото, то забыть желать, чтобы
кошелекъ былъ золотой? (I, III).

VI.

Сочиненіе М. И. Ковалинскаго „Правда вѣры“.

Мы знаемъ, что любимый ученикъ Г. С. Свободо-
рода, Михаилъ Ивановичъ Ковалинскій, велъ жизнь
не такую, какъ его учитель. Своборода жилъ ни-
щнымъ, безпристѣмь, страшилось, проповѣдуя
истину; Ковалинскій занялъ почетное и выгодное
положеніе, приобрѣлъ богатство, извѣстность. Но
такъ какъ и въ этой суетѣ душа его жаждала
истины, то чувъ дальше онъ жилъ такой жизнью,
тѣмъ сильнѣе чувствовалъ томленіе души, тоску,
пресыщеніе, усталость. Наконецъ, онъ бросилъ все
и уѣхалъ изъ шумнаго города въ деревню, чтобы
тамъ въ уединеніи и спокойствіи своемъ найти то
душевное спокойствіе, которое онъ утратилъ въ
блестящей, суетливой жизни мірскаго круга. Здѣсь
онъ опять увидѣлся съ своимъ учителемъ, и друже-
скія рѣчи мудраго старца вновь пробудили въ немъ
тѣ высшія требованія человеческого духа, которыми
онъ жилъ въ молодости, пока не окружился въ
суетѣ жизни. Здѣсь онъ написалъ сочиненіе «Правда

вѣры», въ которыхъ высказалъ свои основныя вѣр-
 ованія и взгляды на жизнь человѣческую, къ
 которымъ онъ пришелъ собственнымъ опытомъ
 жизни.

Основныя вѣрованія и взгляды на жизнь чело-
 вѣческую, выраженные Ковалинскимъ въ этомъ
 сочиненіи, таковы же, какъ и вѣрованія и взгляды
 Сквороды. Но такъ какъ Ковалинскій вторую по-
 ловину своей жизни жила не такъ, какъ считалъ
 должнымъ, и собственнымъ опытомъ жизни убѣ-
 дился въ томъ, что жизнь въ бесцѣль и расчетъ
 не даетъ истиннаго смысла, то все соображеніе Ко-
 валинскаго проекинута грустью и горькимъ сожа-
 лѣніемъ того, что прожилъ жизнь не такъ, какъ
 слѣдовало. А жизнь была для только одна, ее не
 веротишь.

Вотъ нѣкоторыя замѣчательныя мысли изъ этого
 сочиненія *):

Сквозь противоручій въ нашей жизни и
 наипаче желанійхъ! Мы отправляемся въ пыльномъ
 земнѣжъ поклониться изображенію какого-нибудь
 святаго, который всю жизнь жилъ нащипъ, одѣ-
 ваясь въ изодранное рубашце и вообще такъ жилъ,
 что, если бы мы жили въ одно время съ нимъ,
 то при встрѣчѣ мы не позавидовали бы себѣ разго-
 варивать съ нимъ и презирали бы его, какъ самаго
 послѣдняго изъ людей (333).

*). «Приди въра» писаніемъ въ изрѣченіи: «иже» поспѣши Скво-
 роды. Мысли Ковалинскаго такъ перекликаются со сквородинъ мыслями.

Напрасно гордость человеческая старается отличить въ нашихъ глазахъ умершаго вназв отъ послѣдняго изъ его подданныхъ. Поэзия о томъ, что великій герой обращается въ прахъ и ничто, мы забываемъ объ его великолѣпной гробницѣ. Мы смотримъ на тѣ столбы пыли, которые кружить вѣтеръ по дорогѣ, и думаемъ: вотъ печальные остатки анимистскихъ зрѣлищателей и изъ побѣдоносныхъ армій. Славя ихъ — во что иное, какъ искорка, угасающая тотчасъ же послѣ своего рожденія (322).

Человѣкъ, предельный страхъ смерти, повстантъ одержать великую побѣду. Человѣкъ, вбрунившій на Бога и въ жизнь духовную, видитъ въ смерти освобожденіе. Только тотъ, кто вѣритъ въ Бога и въ жизнь духа, можетъ не бѣтись смерти. Славные герои, которые презирали смерть, содрогались, однако, отъ ужаса, когда встрѣчали ее лицомъ къ лицу (324—5).

Ислажденія, за которыми гонятся большинство людей, есть не что иное, какъ обманчивая мечта. Если человѣкъ предается наслажденіямъ искусственно, то онъ скоро доходитъ до того, что не можетъ обойтись безъ нихъ, и становится рабомъ ихъ; если же онъ предается наслажденіямъ естественно, то не получаетъ удовольствія. И потому очень неразумно поступаютъ люди, гонимые за скоро проходящими удовольствіями, между тѣмъ какъ они

легко могли бы найти истинное счастье въ жизни своего духа (325).

Некоторые говорятъ: дай только денегъ человѣку, и онъ будетъ счастливъ. А въ обратъ наоборотъ: дай только денегъ, и они будутъ несчастны (328—329).

УП.

Значеніе ученія Сократовы и другихъ мудрецовъ.

Есть люди — и очень много такихъ, — которые совершенно не стремятся познать смыслъ жизни человѣческой. «Будемъ наслаждаться жизнью, помысли живы; жизнь для жизни вамъ дана», говорятъ они. И они живутъ только для того, чтобы много и вкусно есть и пить, любить женщину и вообще наслаждаться. Они не думаютъ о томъ, что все эти наслажденія рано или поздно, но обязательно приведутъ къ разочарованію и скукѣ; не думаютъ о томъ, что жизнь, вся цѣлкомъ проходящая въ веселіи наслажденій, не можетъ имѣть никакого разумнаго смысла, потому что не сегодня, такъ завтра — и во всякомъ случаѣ, очень скоро — придетъ смерть и кончится все наслажденіе тѣла, и само тѣло разложится.

Пока человѣкъ не думаетъ объ этомъ и живетъ для наслажденій, ему быть никакого дѣла до ученій мудрецовъ. «Мало ли что они тамъ предумываютъ, говорить такой человекъ, и я хочу такъ жить и буду».

Но есть люди, которые понимают, что наслаждения тела не доставляют истинного счастья, и что жизнь, въ нихъ прѣходящая, не можетъ имѣть никакого разумнаго смысла. Эти люди не могутъ уже жить такъ, какъ все живутъ: они ищутъ новыхъ путей жизни. И тотъ изъ-то и пужны ученія мудрецовъ.

Мудрецы эти при жизни своей также мучались вопросомъ о томъ, въ чемъ состоитъ смыслъ жизни и какъ человѣкъ долженъ жить разумно. Въ своихъ ученіяхъ они выразили слезы своихъ многострадальнѣ души, услажденныхъ вѣселиемъ, надеждъ, отчаянія, сомнѣній. Въ нихъ вылилась вся ихъ духовная жизнь. И чѣмъ явнѣе и мучались они, тѣмъ же теперь живутъ и мучаются другіе люди, и вотъ этимъ-то людямъ ученія мудрецовъ могутъ принести величайшую пользу, давая разрѣшеніе тѣхъ мучительныхъ вопросовъ, которые иногда доводятъ до самоубійства людей наиболѣе чуткихъ и таубоныхъ. Кто ищетъ смысла жизни, тотъ пусть вспомнитъ про людей, которые иногда за тысячи лѣтъ до него мучались эти же вопросы, обратитъ къ ихъ ученіямъ, и въ нихъ найдетъ разрѣшенія его мучительныхъ сомнѣній и недоумѣній.

